

В VII в. до н. э. на смену новоегипетскому приходит демотический язык, существовавший до V в. н. э. В науке долгое время было широко распространено ошибочное мнение, что язык, представленный демотическими текстами, является разговорным языком народа. Оно возникло в результате буквального толкования греческого названия демотического письма.

В действительности же, только ранние демотические тексты отражали разговорный язык. Язык текстов более позднего времени — официальный письменный язык; наряду с ним, по-видимому, уже существовал коптский разговорный язык или тот разговорный язык, из которого произошел коптский¹. Об этом говорят элементы коптского, обнаруженные в магическом папирусе III в. н. э. (его части хранятся в Лейдене и Лондоне)². Папирус этот, относящийся к римскому времени, написан демотическим языком. Однако некоторые его места содержат грамматические формы, чуждые демотическому и представляющие явные архетипы коптских, например: *mi.f sdm* "он обычно не слушает" — **мѐџсџтм̄** (отрицательное Praesens consuetudinis). Таким образом, в этом магическом папирусе и в других демотических текстах мы видим явление, аналогичное тому, которое нам известно из анналов Тутмоса III.

Новоегипетский и демотический языки как последовательные этапы эволюции языка имеют очень существенные общие черты, отсутствующие в коптском³:

1) употребление после неопределенного наклонения относительных форм с глаголом *irj*, определяющих это неопределенное наклонение и предшествующих его дополнению;

2) распространение конструкции, в которой неопределенное наклонение в косвенном «родительном падеже» следует за существительным с предшествующим ему притяжательным местоимением, например: *n tʒj.s wnwʔ n tm nw r.f* "в ее час невидения его" (здесь *tʒj.s wnwʔ* "ее час" — логическое подлежащее неопределенного наклонения); [211]

3) трактовка неопределенного наклонения женского рода как существительного женского рода, если оно играет роль существительных; если же неопределенное наклонение играет роль повествовательной глагольной формы, то оно трактуется в мужском роде (в коптском языке неопределенное наклонение всегда выступает в форме мужского рода);

4) применение конструкции: *pʒ* (артикл) + относительное предложение (в роли существительного) + *nb* "каждый", "всякий";

5) употребление причастий и относительных глагольных форм (которые в коптском встречаются лишь как архаизмы);

6) применение в демотическом относительного выражения *dd X* "то, что сказал X" без определенного артикля, служащего для введения прямой речи, чему в новоегипетском соответствует форма *ddt-n X*; в коптском же языке эквивалент этого выражения **пѐха**. имеет артикл и употребляется в значении «сказал X», т. е. повествовательно;

7) распространение такого порядка слов, при котором определение-прилагательное непосредственно следует за определяемым словом, согласуясь с ним в роде и числе, например: *wʕt mdt nfrt* "одна хорошая вещь"; в коптском же преобладает конструкция косвенного «родительного падежа», например: **оурџмѐ н̄савѐ** "мудрый человек" (здесь перед прилагательным **савѐ** "мудрый" стоит служебное прилагательное «родительного падежа» **н̄**);

8) непосредственное присоединение существительных к количественным числительным от 3 до 9, например *ʒ sp* "три раза", ср. коптское **џомн̄т н̄соп**, где перед существительным **соп** стоит служебное прилагательное «родительного падежа» **н̄**; однако, отмечая этот факт, констатируемый К. Зете, следует упомянуть, что в коптском встречаются подобные сочетания и без **н̄**, например: **џомн̄т соп** "три раза", **џтоу тнү** "четыре ветра"⁴.

9) употребление конструкции косвенного «родительного падежа» со служебным прилагательным *n(j)* после названий частей тела, например: *rʒ n pʒ mʒj* "пасть льва"; в коптском к названию части тела присоединяется еще и суффикс, например: **ʒѐн пџџ н̄пмоуи** "в пасти льва";

¹ K. Sethe, *Das Verhältnis zwischen Demotisch und Koptisch...*, — ZDMG, Bd 79, 1925, S. 299.

² F. H. Griffith — H. Thompson, *The Demotic Magical Papyrus of London and Leiden*, I–III, London, 1904–1909.

³ K. Sethe, *Das Verhältnis zwischen Demotisch und Koptisch...*, — ZDMG, Bd 79, 1925, S. 29–295.

⁴ W. Till, *Koptische Grammatik*, § 165.

10) выделение субъекта при помощи местоименного [212] суффикса, например: *šm.f n.f p3 rmt* "пошел себе человек"; в коптском вместо суффикса стоит **нби** "именно";

11) вопросительное слово *ih* со значением "что", "что за" (в коптском ему соответствует **оу**).

К. Зете отмечает также, что в новоегипетском и демотическом языках отсутствуют отдельные формы и конструкции, характерные для коптского:

1) форма будущего времени, образованная в коптском при помощи глагола **на**, "идти" (Futurum I — **чна**, Futurum II — **счна**⁵); по указанию А. Гардинера, подобные коптские, глагольные формы восходят к новоегипетскому *m nʒ r* "be going to" (*nʒ* "идти")⁶, однако в новоегипетском это просто оборот речи, еще не ставший грамматической формой;

2) форма, соответствующая коптскому Perfectum II — **нтацсвтм**;

3) употребление **пѐ** в конце предложения после имперфекта **нѐрѐ- нѐ**, например: **нѐсвтм пѐ**;

4) сочетания неопределенного артикля и предикативного прилагательного с последующим **пѐ**, например: **оуагаѐс пѐ** "хороший он";

5) условная глагольная форма, образованная в коптском при помощи префикса **џан-**;

6) многие сложные глаголы, образованные в коптском посредством глаголов **ѐрѐ** "делать", **†** "давать", **џи** "брать" и др.

Вместе с тем необходимо остановиться и на различиях между новоегипетским и демотическим языками⁷. Демотический язык имеет ряд отличительных особенностей, в частности⁸:

1) личные зависимые местоимения, употребляющиеся в качестве прямого дополнения, имеют новую парадигму:

	Единственное число		Множественное число
1-е лицо общее	<i>ti</i>		<i>tn</i>
2-е » мужского рода	<i>tk</i>	} общее	<i>ttn</i>
2-е » женского »	<i>tt</i>		
3-е » общее	<i>s</i>		<i>st</i>

[213]

2) полностью отмирают пассивные причастия; активные причастия (только описательные) образуются при помощи глаголов *iri* "делать" и *wn* "быть";

3) прямое дополнение (не местоименное) большей частью вводится предлогом *n* (ср. с коптским **н**);

4) неопределенным артиклем множественного числа служит *hjn* (ср. коптское **ѐѐнѐ**); однако несомненно, что это слово происходит от новоегипетского *nhi*⁹;

5) *nomen agentis* инфинитива вводится предлогом *m-dr* (в новоегипетском частицей *in*)

6) характерна структура предложения с предикативным прилагательным *n3 nfr.f* (в новоегипетском *nfr sw*)

7) причастная конструкции не вводится, как раньше частицей *in*;

8) употребляется конструкция оптатива *mj sdm.f* (в новоегипетском — *ih sdm.f, imj sdm.f*)

9) для повествования о прошедшем используется форма *sdm.f* (а не *iw.f hr sdm*, как в новоегипетском);

10) отрицанием *sdm.f* является *bnpw.f sdm* (а не *bwpw.f sdm.f*, как в новоегипетском)¹⁰;

11) для введения протасиса условных предложений употребляются формы *in-n, wn.n3w*;

12) употребляется глагольная форма *hr sdm.f*, по своему значению соответствующая коптскому Praesens consuetudinis — **џацсвтм** который выражает обычные, повторные действия.

⁵ Ibid., § 252.

⁶ А. Н. Gardiner, *The origin of the Coptic tense Futurum I*, — ZÄS, Bd 43, 1906, Ss. 97–98.

⁷ К сожалению, эта весьма существенная проблема не рассматривается в исследовании К. Зете.

⁸ В. Н. Stricker, *De indeeling der Egyptische taalgeschiedenis*, Ss. 34–35.

⁹ А. Erman, *Neuägyptische Grammatik*, § 185, 243.

¹⁰ Б. Стрикер (В. Н. Stricker, *De indeeling der Egyptische taalgeschiedenis*, S. 34) утверждает, что отрицательная форма *bwpw.f sdm* (вероятно, здесь опечатка: нужно *bnpw.f*, так как *bwpw.f* в демотическом нет) является типичным для демотического отрицанием прошлого. Это неверно, ибо она обычна и для новоегипетского языка (А. Erman, *Neuägyptische Grammatik*, § 776, 781).

Наконец, в демотическом языке есть свой особый вспомогательный глагол *w3h*.

Этот глагол в качестве знаменательного применялся задолго до возникновения демотического языка. Но в роли вспомогательного глагола он употребляется только в демотическом для образования глагольной формы *w3h.f sdm*, выражающей законченное действие¹¹.

Демотический язык, как и прежде новоегипетский, на протяжении всей своей истории пополнял лексику словами иностранного происхождения.

В 525 г. до н. э. Египет захватывают персы; персидское [214] владычество, естественно, оставило следы в демотическом языке.

В западной части персидской монархии, в том числе и в Египте, был распространен арамейский язык, из которого в демотический перешло много слов. Так, например, арамейское слово *ardab* (позднее аккадское *ardabi*), обозначающее меру веса, встречается в демотическом языке в виде *irdb* или *rdb*, в коптском оно сохранилось в виде **ртов**, находим его и у Геродота — ἡ ἀρτόβη (I, 192); это слово проникло также в армянский язык — *ardov*, в сирийский и египетский диалекты арабского языка — *ardib*, *ardob*. Слово *hgr* (коптское **гabor**), обозначающее конного гонца, перешло в демотический в ту же эпоху. Знаменитая персидская эстафетная почта не была изобретена персами: они лишь усовершенствовали этот способ передачи вестей, заимствовав его из Вавилона. По-видимому, *hgr* соответствует греческому названию племени ἄγγαρος, обитавшего на пути из Египта в Вавилон. Люди этого племени с давних времен выполняли обязанности курьеров. С распространением персидского владычества почтовое сообщение стало более регулярным и организованным, и этнический термин превратился в профессиональный. Тогда же в демотический перешло слово *mdj* или *mdw* (коптское **матой**) "солдат". Происходит оно не от древнего египетского *md3j*, обозначающего жителей страны *Md3*, а от арамейского названия персов *Mādaḡ*. Таким образом, как и в предыдущем случае, этнический термин стал обозначать профессию (ср. сирийское *romaja* "римляне", "солдаты"). Название греков в демотическом языке *winn* — эквивалент греческого Ἴωνες; (коптское **оуе(ε)иенин**) — также арамейского происхождения¹².

В демотических текстах встречаются и некоторые греческие слова, например: *strks* (греч. στρατηγός) "стратег", *stjts* (греч. στρατιώτης) "воин"¹³. В отдельных случаях они проникали даже в иероглифические надписи, например: *rk wr* (греч. ἀργύρος) "серебро"; любопытно иероглифическое написание имени *kwrrks* Γεώργιος¹⁴. Однако в дохристианскую эпоху греческих слов в египетских текстах было очень немного. [215]

§ 48. КОПТСКИЙ ЯЗЫК¹⁵

Коптский язык — последняя ступень поздней стадии развития египетского языка. Однако он значительно отличается от новоегипетского и демотического.

Особенности коптского языка четко выступают в системе глагола: во-первых, спряжение основано преимущественно на префиксах, а число глаголов суффиксального спряжения крайне ограничено (в новоегипетском же и демотическом нет даже следов префиксального спряжения)¹⁶; во-вторых, имеются вполне определенные глагольные времена¹⁷. Происхождение префиксального спряжения коптского глагола известно давно. Оно полностью аналогично происхождению словообразовательных коптских префиксов. Коптские глагольные префиксы возник-

¹¹ W. Spiegelberg, *Demotische Grammatik*, Heidelberg, 1925, § 188.

¹² K. Sethe, *Spuren der Perserherrschaft in der späteren ägyptischen Sprache*, — NGWG, Phil.-hist. Kl. 1916, Ss. 113–120, 121, 131.

¹³ Erichsen, *Glossar*, S. 443.

¹⁴ См. В. В. Струве, *Манефон и его время*, — ЗКВ, 111, вып. 1, 1928, стр. 166; G. Daressy, *Statue de Georges, prince de Tentyris*, — ASAE, t. 1916, pp. 268–270.

¹⁵ Название «коптский» происходит от арабского слова **قبلى** (*кубт*), которое, по-видимому, является искаженным греческим αἰγυπτίος (см. W. Till, *Koptische Grammatik*, S. 30). Копты называли свой язык **мнтрн̄ п̄кне̄**, что соответствует новоегипетскому *mdt rmt n Kmt* букв. "речь людей Египта" (Wb., V, 127, 17).

¹⁶ Вспомогательный глагол и предлог перед знаменательным глаголом в описательных формах новоегипетского спряжения не являются префиксами; например, в предложении *iw.f r sdm* предлог и суффикс *iw.f r* суть лексемы. Префиксы же никаких лексических свойств не имеют, они только грамматические форманты.

¹⁷ W. Till, *Koptische Grammatik*, § 281, 303–325.

ли из новоегипетских описательных форм спряжения, образованных при помощи вспомогательных глаголов *irj* "делать", копулы *iw* и др. Например: коптское **ⲥⲟⲩⲧⲏ** "слушаю" (Praesens I) происходит от новоегипетского *twi sdm*; коптское **ⲈⲚⲥⲟⲩⲧⲏ** "он слушает" (Praesens II) — от новоегипетского *iw.f sdm*; коптское **ⲙⲈⲚⲥⲟⲩⲧⲏ** "он не может слушать" (отрицательное Praesens consuetudinis) — от новоегипетского *bw ir.f sdm*; коптское **ⲕⲚⲥⲟⲩⲧⲏ** "он слушал" (Perfectum I) — от новоегипетского *ir.f sdm* и т. д.

Возникает вопрос: почему ни в новоегипетских, ни в демотических текстах нет следов превращения вспомогательных глаголов описательных форм спряжения в префиксы? Это объясняется тем, что эволюция происходила не в письменном новоегипетском и демотическом языках, а в устной речи. Когда разговорный язык стал письменным, он перенес префиксы в тексты. Все же в текстах изредка можно уловить намеки на этот процесс. Г. Масперо обратил внимание на один текст XXII династии, в котором суффикс *f* после *iw*) превратился в префикс следующего слова **ⲥⲏⲏ** в результате опущения *iw*. Здесь встречается собственное имя [216] *Dd Hr-ir-ir.f-ⲥⲏⲏ*, написанное в виде *Dd-Hr-f-ⲥⲏⲏ*¹⁸. Значит *ir.f-ⲥⲏⲏ* в это время звучало как **ⲈⲚⲥⲟⲩⲧⲏ**.

В лексике коптского языка, помимо греческих, имеется множество слов, совершенно чуждых языкам предшествующих этапов, в том числе и демотическому. Таких слов около 1900 (из 3308 слов, приведенных в словаре Крама). Например: **ⲩⲁⲕⲈ** "слово", **ⲕⲁⲁⲩ** "что-то", **Ⲕⲏ** "рука", **ⲛⲟⲔ** "большой", **ⲧⲁⲓ ⲧⲈ ⲐⲈ** "это так", **ⲈⲪⲐⲕⲈ** "потому", **ⲕⲈⲕⲁⲔ** "чтобы", **Ⲓⲛⲁⲩ**, **ⲓⲙⲓⲛⲈ** "какого рода", "какие", **ⲕⲩⲩ** "и", **ⲓⲙⲁⲩ** "там", **ⲟⲩⲛⲧⲁⲓ** "у него есть"¹⁹.

Вместе с тем коптскому и новоегипетскому языкам свойственны отдельные общие черты, отсутствующие в демотическом. Так, в бохейрском диалекте коптского языка наряду с обычной формой множественного числа определенного артикля **ⲛ** существует форма **ⲛⲈⲛ**, которая употребляется главным образом в конструкциях «с родительным падежом»²⁰;

эта форма соответствует применявшейся в ранних новоегипетских текстах конструкции: артикль с последующим служебным прилагательным «родительного падежа» *n(j)* в поздних новоегипетских текстах такая конструкция почти не встречается и полностью исчезает в демотическом языке²¹.

Общим для коптского и новоегипетского является также употребление местоименных суффиксов в качестве объекта инфинитива глагола *dj(t)* "давать". Демотический в таких случаях пользовался зависимыми местоимениями, на что указывает распространенное в VIII в. до н. э. теофорное имя *Imn-ir-dj-s* "(бог) Амун дал его (ее)" (т. е. сына или дочь), букв. "Амун сделал давание его (ее)", где *s* — зависимое местоимение. Эту особенность демотического языка следует считать, вероятно, результатом влияния разговорного языка той эпохи²².

К. Зете доказал, что коптский и демотический восходят к общему источнику—новоегипетскому языку²³. Эту же мысль до К. Зете вскользь высказал М. Мюллер²⁴. К выводам К. Зете [217] присоединились Г. Грапов²⁵ и Б. Стрикер, однако последний, как отмечает М. Малинин, не во всем соглашается с К. Зете²⁶.

Распространение христианства в Египте обусловило превращение разговорного коптского языка в официальный письменный. Христианская пропаганда обратилась к разговорному языку народных масс потому, что официальный язык того времени — демотический — из-за сложности письма не подходил для ее целей и, кроме того, он был тесно связан с одиозной для христианства языческой традицией. Путем приспособления греческого алфавита к разговорному языку создается новое письмо, более простое и доступное. Для передачи звуков, отсутствующих в греческом языке и, следовательно, не имеющих обозначений в греческом алфавите, разными

¹⁸ G. Maspero, *Notes sur differents points de grammaire et d'histoire*, — RT, vol. 2, 1880, p. 32.

¹⁹ K. Sethe, *Das Verhältnis zwischen Demotisch und Koptisch...*, — ZDMG, Bd. 79, 1925, Ss. 293–296.

²⁰ Crum, *Dict.*, p. 268 b.

²¹ K. Sethe, *Das Verhältnis zwischen Demotisch und Koptisch...*, — ZDMG, Bd. 79, 1925, S. 298.

²² Ibid., S. 297.

²³ Ibid., S. 301.

²⁴ M. Müller, *Eine koptische Partikel im Demotischen*, — RT, vol. 13, 1890, p. 150.

²⁵ Fr. Hintze, *Die Haupttendenzen der ägyptischen Sprachentwicklung*, — «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», Bd. 1, 1947, S. 87.

²⁶ M. Malinine, *Choix de textes juridiques en hiératique «anormal» et en démotique*, pt. 1, Paris, 1953, p. VIII; B. H. Stricker, *De indeeling der Egyptische taalgeschiedenis*, S. 28.

коптскими диалектами были заимствованы из демотического письма знаки **ϣ, ϣ, ϣ, ϣ, ϣ, ϣ, ϣ, ϣ**. Само собой понятно, что в демотическом письме они имели иной графический облик.

Огромным достижением явилось введение алфавита с гласными.

Необходимо остановиться на некоторых довольно интересных фактах. Начиная с 1934 г. было опубликовано несколько небольших египетских текстов, написанных греческими буквами; датируются эти тексты II в. до н. э. Понимание их крайне затруднено; однако вполне очевидно, что язык этих текстов не коптский, а демотический²⁷. К началу нашей эры относятся языческие, так называемые старокоптские тексты (Old Coptic). Язык их смешанный — частично демотический, частично коптский²⁸, но последний отличается от отработанного и упорядоченного языка коптских христианских текстов. Ф. Гриффис дает этому следующее объяснение: «Мы имеем право предположить, что язычество оказывало сильное консервативное влияние на письмо и на литературный язык, и в то время как христиане писали уже на основе отлично [218] разработанной системы, язычники продолжали придерживаться «своей громоздкой литературной традиции»²⁹.

В основу коптского литературного языка лег перевод Библии с греческого, в результате чего коптская лексика пополнилась огромным количеством греческих слов. Таким образом, коптский язык развился и стабилизировался как литературный язык на основе религиозной христианской литературы. Наиболее важными в литературном отношении являются диалекты саидский и бохейрский.

С проникновением ислама возможности дальнейшего развития коптского языка, естественно, значительно сузились. Арабский язык—язык ислама—очень быстро распространялся, вытесняя коптский. Когда коптский язык перестал быть живым языком, в точности неизвестно³⁰. Во всяком случае арабский историк Макриси (1364—1441) в своей «Истории коптов», перечислив ряд верхнеегипетских монастырей, говорит: «Христиане этих монастырей знают главным образом коптско-саидский, и это основное наречие коптского языка; затем следует коптско-бохейрский; жены и дети христиан из Эль-Саида могут говорить только на коптско-саидском, но они также в совершенстве владеют и греческим языком»³¹. Есть все основания считать, что сказанное Макриси о коптском языке соответствует действительности, хотя его слова о греческом и непонятны. Так или иначе в наши дни коптский язык отчасти вытеснен арабским языком даже из церковного обихода коптов.

Были попытки обнаружить остатки живого коптского языка в языке египетского крестьянства, говорящего преимущественно по-арабски. В 1902 г. египтолог Дж. Квибел опубликовал следующее сообщение: «Как меня информирует священник американской миссии в Бени-Суэйф Давид Стрэнг, 30 лет назад, когда он прибыл в Египет, были еще живы люди, утверждавшие, что в Верхнем Египте они слышали коптскую речь. Он ссылается, в частности, на старика из Куса, некоего Яма Эстефаниоса, который помнит, как во времена его детства родители и другие старики в Кусе и Накаде разговаривали между собой по-коптски. По мнению Яма, это последние места, где коптский сохранился до тех времен». [219] Дж. Квибел добавляет, что от других он также слышал, будто в одной деревушке близ Куса еще говорят на ломаном коптском языке, но сомневается в этом и старается проверить подобные слухи³².

В. Вичихль в 1936 г. сообщил о том, что в деревне Пи-Солсел, в нескольких километрах к северу от Луксора, он столкнулся с весьма любопытным фактом. Население этой деревни состоит из мусульман и очень немногочисленной группы коптов-христиан. Среди последних было четыре человека в возрасте от 50 до 65 лет, по утверждениям которых их родители говорили по-коптски. Сами же они говорили на арабском языке с сильной лексической примесью копт-

²⁷ W. E. Crum, *An Egyptian text in Greek characters*, — JEA, vol. 28, 1942, pp. 30–31; A. Volten, *An Egyptian text in Greek characters*, — «Studia orientalia Joanni Pedersen dedicata», Hauniae, 1953, pp. 364–377; P. Lacau, *Un graffito égyptien d'Abydos écrit en lettres grecques*, — «Etudes de papyrologie», t. 2, 1934, pp. 226–246; см. также рецензию Ж. Вергота (J. Vergote) в «Bibliotheca orientalis», vol. 11, 1954, p. 103.

²⁸ W. Till, *Koptische Grammatik*, § 31.

²⁹ F. Ll. Griffith *The Old Coptic Texts and their relation to Christian Coptis*, — ZÄS, Bd. 39, 1901, Ss. 78–82.

³⁰ J. Simon, *Wann starb das Koptische aus?* — ZDMG, Bd. 90, 1936, Ss. 44–45.

³¹ Makrizi, *Geschichte der Kopten. Aus den Handschriften zu Gotha und Wien mit Übersetzung und Anmerkungen von F. Wüstenfeld*, Göttingen, 1845, S. 104.

³² J. E. Quibell, *Wann starb das Koptische aus?* — ZÄS, Bd. 39, 1902. S. 87.

ского (бохейрского диалекта), и являлись, таким образом, последними носителями угасшего коптского языка. Кроме того, В. Вичихль отмечает, что в населенных пунктах Каср-эс-Сайяд, Абидос, Кена, Дендера, Кус, Накада, Камула и Баарат в большей или меньшей степени сохранились воспоминания о коптском языке как языке недавнего прошлого³³.

Совокупность всех этих фактов свидетельствует о том, что в XIX в. коптский язык еще был живым языком в ряде деревень Верхнего Египта.

Представление о живом коптском языке продолжало волновать умы ученых до самого последнего времени: с точки зрения маститого египтолога Г. Штейндорфа, и теперь в мелких деревушках Верхнего Египта говорят на бохейрском диалекте коптского языка. Ж. Вергот в рецензии на грамматику Г. Штейндорфа указал на неправильность этого мнения³⁴.

Египетский ученый проф. А. Фахри в беседе с автором настоящей книги в 1945 г. утверждал, что коптский как разговорный язык окончательно вымер.

Однако отдельные элементы египетского и коптского языков до сих пор встречаются в разговорном арабском языке Египта. Помимо чрезвычайно интересных фактов, приведенных В. Вичихлем, можно сослаться и на другие.

Еще в конце прошлого века известный коптолог Л. Штерн установил, что результатом коптского влияния являются некоторые синтаксические особенности египетского диалекта [220] арабского языка, в частности постпозиция вопросительных слов *mīn* (ميم), *ē* (اڤ), *kat* (كؤنر), *fēn* (فؤن), *mīn en* (مؤولفؤن), *ezeī* (نؤؤ نؤؤ), *emte* (تمؤؤ), *le* (لؤؤ). Арабское *rāh fēn*, по мнению Л. Штерна, — калька коптского **еквнк тؤн** "ты пришел откуда?"³⁵. Ф. Преториус и Э. Литман разделяют взгляды Л. Штерна³⁶.

Однако эти факты — лишь очень слабое доказательство влияния коптского языка на арабский. Спитта-бей, автор грамматики египетского диалекта арабского языка, отмечает, что ни в одном разделе грамматики ему не удалось показать влияния коптского языка на египетский диалект арабского³⁷. Отрицает это влияние и Э. Гаттье³⁸.

В лексике же арабского языка заимствования из коптского не подлежат никакому сомнению. Спитта-бей в предисловии к своей грамматике перечислил шестнадцать таких заимствований³⁹; в статье К. Фолерса приведено несколько больше⁴⁰.

Этому же вопросу посвящено несколько специальных исследований⁴¹.

Э. Литман рассматривает ряд слов, обозначающих отдельные части сакие — древнего оросительного механизма. Этимология этих слов не может быть выведена из арабского; среди них наряду со словами греческого и латинского происхождения есть, по-видимому, и слова коптского происхождения⁴². Г. Масперо отмечает, что в Папирусе Булак III (6, 19), который датируется приблизительно началом нашей эры, египетское слово *bir* имеет такое же значение, как и арабское **بير** [221] "колодезь"⁴³. Интересное сообщение сделал А. Блекман. Он рассказал, как, читая с одним из своих слушателей, ныне известным ученым, египтянином А. Фахри, происходящим из Фаюма, иероглифический текст повести о красноречивом сельянине, он узнал от А. Фахри, что египетское слово *sdb*, означающее в этом тексте «кайма (куска материи)», имеет

³³ W. Vycichl, *Pi-Solsel, ein Dorf mit koptischer Überlieferung*, — MDAIK. Bd. 6, 1936, Ss. 169–175.

³⁴ Рецензия Ж. Вергота на грамматику Г. Штейндорфа (G. Steindorff, *Lehrbuch der koptischen Grammatik*, Chicago, 1951) опубликована в «Bibliotheca orientalis», Leyden, vol. 11, 1954, pp. 103–107.

³⁵ L. Stern, *Fragment eines koptischen Tractates über Alchimie*, — ZÄS, Bd. 23, 1885, S. 119, Anm.

³⁶ F. Prätorius, *Koptische Spuren in der ägyptisch-arabischen Grammatik*, — ZDMG, Bd. 56, 1901, Ss. 146–147; E. Littman, *Koptischer Einfluss im Ägyptisch-Arabischen*, — ZDMG, Bd. 56, 1902, Ss. 681–684.

³⁷ W. Spitta-bey, *Grammatik des arabischen Vulgärdialectes von Ägypten*, Leipzig, 1880.

³⁸ E. Gattier, *De l'influence du copte sur l'arabe d'Égypte*, — BIFAO, t. 2, 1902, pp. 212–216.

³⁹ W. Spitta-bey, *Grammatik des arabischen Vulgärdialectes von Ägypten*, S. X.

⁴⁰ L. Vollers, *Beiträge zum Kenntniss der lebenden arabischen Sprache in Ägypten*, — ZDMG, Bd. 50, 1896, S. 653.

⁴¹ В отдельных работах были допущены ошибки. Так, Лабиб (см. библиографию) некоторые слова семитского происхождения принимал за коптские, что отметил К. Цеттерстен в рецензии на работу Лабиба (см. библиографию). Очень большой и интересный материал, собранный Г. Сохби (см. библиографию), также нуждается в тщательной проверке.

⁴² E. Littmann, *Die Säqhiya*, — ZÄS, Bd. 76, 1940, S. 45.

⁴³ G. Maspero, *Mémoire sur quelques papyrus du Louvre*, — «Académie des inscriptions et belles lettres. Notices et extraits des manuscrits», pt. 1, 1875, p. 31. — В Берлинском словаре этого слова нет.

такой же смысл, как и в арабском наречии Фаюма слово *سدبة*. которое содержит те же согласные и так же произносится⁴⁴. Известный египтолог Селим-Хассан указал В. Шпильбергу на буквальный арабский эквивалент слов из поучения Аменемпе «в ящике тела твоего» — *fi sanduk batni*⁴⁵.

Таких фактов, подтверждающих влияние коптского языка на египетский диалект арабского, безусловно, намного больше; собирание и изучение их представляет огромный интерес для арабской филологии.

Во многих европейских языках бытуют слова, происходящие из древних восточных языков, и в частности из египетского и коптского⁴⁶.

В египетском диалекте арабского языка среди заимствованных коптских слов имеется слово *طوب* "кирпич" (коптское *тѳѳѳ*, египетское *dbt*), любопытную историю которого проследил Г. Висман⁴⁷. Это слово, сохраняя свое первоначальное значение, после завоевания арабами Испании переходит в испанский язык; затем испанцы приносят его в Мексику, откуда оно проникает в Соединенные Штаты и там в виде *adobe* включается в американскую лексику; впоследствии оно как технический термин заимствуется английским языком.

Так, в англо-русском словаре В. К. Мюллера слово *adobe* объясняется следующим образом: 1) «кирпич воздушной сушки, сырец, саман; 2) саманная постройка, глинобитная постройка»⁴⁸ (вспомним, что и в Древнем Египте кирпич делали из глины с примесью соломы и высушивали его на солнце).

Интересна история и другого египетского слова, [222] прослеженная В. Лорэ⁴⁹. Во французском языке есть слово *nénuphar* "кувшинка", "водяная лилия", а слово *nufar* в египетском диалекте арабского языка означает водяное растение, известное в ботанике под названием *Nymphaea lotus* "белый лотос". Слово *nufar* восходит к египетскому *nfr* "белый лотос", которое, хотя и не отмечено в Берлинском словаре, в форме множественного числа *nfrw* встречается в двух поздних иероглифических текстах. Оно могло иметь и иную форму множественного числа — с предшествующим артиклем — *n3 nfrw*; эта форма до нас не дошла. Однако существование такой формы, полностью отвечающей законам египетской грамматики, косвенно подтверждается формами *نيلوفر* или *لينوفر* в арабском языке. Форме *n3 nfr* и соответствует французское *nénuphar*. В начале средних веков арабы, покорив Испанию, проникли в юго-западную Францию; здесь принесенное арабами слово перешло на местное водное растение — белую лилию.

§ 49. ОБЩАЯ ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ ЕГИПЕТСКОГО ЯЗЫКА

Заканчивая рассмотрение пяти последовательных стадий развития египетского языка, следует еще раз подчеркнуть, что древний этап (староегипетский язык, включая Тексты Пирамид, среднеегипетский) и новый (новоегипетский, демотический коптский языки) качественно различны: в первом преобладают элементы синтеза, во втором — анализа.

«Значение этих терминов сводится к тому, что при синтетической тенденции грамматики грамматическое значение синтезируется, соединяется с лексическими значениями в пределах слова, что при единстве слова является прочным показателем целого; при аналитической же тенденции грамматические значения отделяются от выражения лексических значений; лексические значения сосредоточены в самом слове, а грамматические выражаются либо сопровождающими знаменательное слово служебными словами, либо порядком самих знаменательных слов, либо интонацией, сопровождающей предложение, а не данное слово»⁵⁰.

⁴⁴ A. M. Biackman, *The story of Sinuhe and other Egyptian texts*, — JEA, vol. 22, 1936, p. 40.

⁴⁵ W. Spiegelberg, *Die Konjunktion hr-r^c* — «zu der Zeit wo, wann, wenn, da weil», — ZÄS, Bd. 62, 1927, S. 43, Anm. 2.

⁴⁶ E. Littmann, *Morgenländische Wörter im Deutschen*, Berlin, 1920.

⁴⁷ H. Wiesmann, *Adobe*, — ZÄS, Bd. 52, 1916, S. 130.

⁴⁸ *Англо-русский словарь*, сост. В. К. Мюллер, М., 1956, стр. 19.

⁴⁹ *Correspondance de V. Loret*, — «Kemi», vol. 13, 1954, pp. 19–20.

⁵⁰ А. А. Реформатский, *Введение в языкознание*, М., 1960, стр. 255.

На древнем этапе род и число передаются морфологическими показателями — окончаниями; например: *sn* "брат", *snt* [223] "сестра"; *snw* "братья", *snwt* "сестры". Это синтетическое выражение рода и числа в силу аналитической тенденции развития языка заменяется аналитическим: появляющиеся артикли *p3*, *t3*, *n3* указывают на род и число следующего за ними слова, а старые морфологические показатели рода и числа постепенно стираются и исчезают. В коптском языке признаком рода и числа служат в основном уже не окончания, а артикли, например: **псннпс** "остаток", **ꜥꜥсннпс** "остатки"; **тꜥсꜥрс** "дочь", **ꜥꜥсꜥрс** "дочери"; **пꜥнрс** "сын", **ꜥꜥнрс** "сыновья"⁵¹. Различия в структуре слов мужского и женского рода, такие, как **ꜥнрс** — **ꜥсꜥрс**, свойственны сравнительно немногим коптским словам; форму множественного числа также имеет лишь ограниченное количество слов⁵².

К явлениям аналитического порядка относится новый способ выражения принадлежности: если на древнем этапе развития языка принадлежность передавалась только посредством местоименных суффиксов, например *pr.f* "дом его", то на новом этапе существуют специальные притяжательные местоимения, которые произошли от указательных местоимений путем присоединения к ним местоименных суффиксов: *p3j.fpr* "его дом".

Ф. Хинце наглядно показал аналитическую тенденцию развития новоегипетского языка. Он воспользовался очень важным для истории египетского языка отрывком из Книги Мертвых в издании Шотта, где одни и те же формулы представлены в среднеегипетской и новоегипетской версиях. Так, древнее *km3 wnnt* "создавший существующее" новоегипетский передает следующим образом: *ntj ntj idj hpr ntj nb* "который сделал существование всего"; в том же тексте древнее *ij tkk* "приходящий (чтобы) напасть" в новоегипетском получает форму: *p3 ntj iw.f ij r hwr*^c "который приходит, чтобы грабить"⁵³. В обоих случаях среднеегипетские причастия *km3* "создавший" и *ij* "приходящий" в новоегипетском выражены через *ntj ntj* и *p3 ntj* "который"; предикативное значение в новоегипетском передано в первом случае причастием *idj*, букв. "сделавший", во втором — глагольной формой *iw.f ij*. В первом примере в среднеегипетской версии прямой объект причастия *km3* также выражен причастием *wnnt* "существующее", в новоегипетской версии прямой объект передан через *hpr ntj nb*, т. е. через [224] субъюнктивную форму *sdm.f*, где *hpr* предикат, а *ntj nb* субъект. Как видно из этих примеров, сделанные самими египтянами переводы на новоегипетский — не что иное, как аналитические эквиваленты древних синтетических выражений. Еще показательнее другой пример, взятый Ф. Хинце из 125-й главы демотической Книги Мертвых: древнее предложение из четырех слов *si3 ibw d'r hwt*, букв. "ведающий сердца, испытующий утробы" в демотическом переводе состоит уже из 16 слов: *p3 nt ir rh p3 nt hn p3 h3t iw.f rh p3 nt hn t3 ht* "тот который знает то, что внутри сердца, причем он знает то, что внутри утробы". Здесь аналитическое разделение знаменательных лексических и служебных грамматических элементов проведено последовательнее, чем в предшествующих двух примерах.

К аналитическим явлениям относится и характерное для новоегипетского языка употребление глагольных описательных конструкций, образованных при помощи вспомогательных глаголов *iri* "делать", *iw* и др.

Однако префиксация в коптской глагольной системе не может быть отнесена к явлениям аналитического порядка. Если описательные формы новоегипетского глагола аналитичны, то превращение их в префиксальную систему спряжения, несомненно, имеет синтетический характер, ибо префиксация только частный случай синтетической аффиксации. Таким образом, древнеегипетский синтетический глагол суффиксального спряжения превратился в аналитический новоегипетский глагол, а последний — в коптский синтетический глагол префиксального спряжения.

Отметим, что староегипетский этап развития языка, с одной стороны, и последующие, — с другой, существенно отличаются и по месту ударения: в древности оно во всех сложных фор-

⁵¹ Fr. Hintze, *Die Haupttendenzen der ägyptischen Sprachentwicklung*, — «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», Bd. 1, 1947, S. 91.

⁵² W. Till, *Koptische Grammatik*, § 82.

⁵³ Urk., VI, 93, 13; Urk., VI, 117, 1.

мах падало на первую часть, позднее — на последнюю. Как указывает К. Зете, оно вообще переместилось ближе к концу⁵⁴.

§ 50. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЕГИПЕТСКОГО ЯЗЫКА

Исследуя замечательные литературные произведения Египта, а также тексты иного содержания, мы то и дело встречаемся с очень серьезными трудностями в понимании отдельных мест, трудностями, свидетельствующими о несовершенстве [225] наших познаний в египетском языке. Несмотря на это, научный уровень египетской филологии достаточно высок, чтобы дать возможность не только разобраться во многих сложных проблемах, связанных с изучением языка, но и составить адекватное представление о его особенностях, из которых, пожалуй, главная — архаизм.

В начале своей грамматики А. Гардинер отмечает, что «самой характерной чертой египетского языка на всех стадиях его развития является конкретный реализм, ориентация на внешний облик предметов и явлений, пренебрежение к представлениям, играющим большую роль в современных и даже классических языках. Такие оттенки мышления, которые выражены в словах "мог бы", "должен был бы", "может", "едва ли", а равно такие абстракции, как "причина", "мотив", "долг", принадлежат к более поздней стадии лингвистического развития ... Философские размышления заменены у египтян исключительной наблюдательностью. Интеллектуальные и эмоциональные качества обычно описаны посредством жестов и выражений, которыми сопровождалось их проявления, например „щедрость" — это "протягивание руки" (*3wt-ʿ*), "ловкость" — это "острота лица" (*spd hr*)»⁵⁵. Такую особенность египетского языка А. Гардинер гипотетически объясняет отсутствием у египтян склонности к отвлеченному мышлению, и полагает, что это доказывает вся их культура (вопреки мнению древних греков, считавших египтян мудрецами и философами). Лаконичное замечание маститого английского ученого нуждается в уточнении и дополнении. А. Гардинер, конечно, прав, утверждая, что мышление египтян в целом имело конкретную направленность и что абстрактные категории сравнительно мало привлекали их внимание. Подобную же мысль намного раньше А. Гардинера высказал и Б. А. Тураев, который находил, что «здесь всецело господствует практический дух ежедневного обихода и исключается всякое умозрение»⁵⁶. Мы не станем оспаривать этих положений, однако отметим что Мемфисский богословский трактат, например, или Медицинский папирус Эдвина Смита свидетельствуют о высоком уровне абстрактного мышления.

Конкретность мышления египтян определялась историческими причинами, и если даже видеть в этом утилитарные черты характера населения Древнего Египта, то нельзя забывать, что характер каждого народа далеко не постоянен и является следствием исторического развития. Учитывая, что [226] египтяне были создателями одной из древнейших мировых цивилизаций (а может быть, и самой древнейшей), которой предшествовало доисторическое варварство, станет понятна причина утилитарности их мышления. Перед создателями великой культуры долины Нила в первую очередь стояли чисто практические задачи; их решение способствовало появлению зачатков абстрактного мышления, первых обобщений.

Положение о связи конкретности языка с его архаичностью подтверждается изучением языков ряда африканских, азиатских и океанических народов. Л. Леви-Брюль опубликовал данные, представляющие большой интерес для сравнительного языкознания. Собранные Л. Леви-Брюлем материалы иллюстрируют главную особенность этих языков — способность в мельчайших подробностях передавать конкретные детали окружающей действительности: «Общая тенденция таких языков заключается в том, чтобы описывать не впечатление, полученное воспринимающим субъектом, а форму, очертание, положение, движение, образ действия объектов в пространстве, одним словом, то, что может быть воспринято и нарисовано»⁵⁷.

Л. Леви-Брюль указывает, что в таких языках «все представлено в виде образов-понятий, т. е. своего рода рисунками, где закреплены и обозначены мельчайшие детали (а это верно не

⁵⁴ K. Sethe, *Die Vokalisation der Ägyptischen*, — ZDMG, Bd. 77, 1923, S. 190 ff.

⁵⁵ Gardiner, *Grammar*, § 3.

⁵⁶ Б. А. Тураев, *Египетская литература*, М., 1920, стр. 17.

⁵⁷ L. Levy-Bruhl, *Les fonctions mentales des sociétés inférieures*, Paris, 3-me éd., 1918, p. 175.

только в отношении живых существ, но и в отношении всех предметов, каковы бы они не были, в отношении всех движений, всех действий, всех состояний). Поэтому словарь этих языков должен отличаться таким богатством, о котором наши языки дают лишь весьма отдаленное представление. И действительно, это богатство вызывало удивление многих исследователей⁵⁸. Приведем несколько данных, собранных Л. Леви-Брюлем⁵⁹: у некоторых австралийцев имеются специальные названия правой и левой руки; в языке маори существуют особые термины для обозначения хвоста рыбы, птицы, животного; в языке одного южноафриканского племени разные виды дождя называются по-разному, у лопарей есть специальные термины для обозначения оленей разного возраста (от одного до семи лет); в их же языке двадцать слов обозначают лед, одиннадцать — холод, сорок одно — таяние снега; в языке гурунов имеются особые термины, выражающие передвижение по воде и суше; в некоторых африканских языках [227] есть несколько глаголов, обозначающих разные способы передвижения и т. д. Приведенные примеры (число их можно легко умножить) вполне убедительно доказывают, что во многих языках богатство лексики служит для выражения подробностей и конкретности, неизвестных более развитым языкам, а не для передачи абстрактных понятий, которых, конечно, гораздо меньше.

С развитием отвлеченного мышления конкретизирующая тенденция слабеет, специфические различия между многими словами стираются: эти слова становятся синонимами. Один из исследователей алеутского языка так описывает подобный процесс: «мало-помалу понимание всех этих бесконечных тонкостей затемняется, и нынешние алеуты употребляют, не делая различий, одну глагольную форму в нескольких значениях или несколько глагольных форм в одном значении; если туземца спросить, что побуждает его употреблять данную форму, а не другую, он окажется в большом затруднении»⁶⁰.

Таким образом, синонимы не были в глубокой древности синонимами, а их многочисленность в языке — неопровержимое свидетельство его архаизма.

Леви-Брюль приводит слова Гатчета, исследователя языков североамериканских индейцев, очень удачно назвавшего конкретность, присущую наречиям индейцев «живописующей тенденцией»⁶¹.

Эта тенденция свойственна и египетскому языку, лексика которого отражает ее в достаточной степени. Леви-Брюль отмечает еще одно очень интересное наблюдение Гатчета. Последний считал, что «категория положения — расположение в пространстве и расстояние — имеет в представлениях ряда народов такие же основное значение, какие для нас имеют категории времени и причинности»⁶². Языкам некоторых народов присуще множество специальных слов, служащих для выражения конкретизации и детализации пространственных отношений. Следы этого явления обнаруживаются и в египетском языке. Углубленное исследование двух казалось бы синонимичных предлогов позволило Б. Ганну установить, что они передают разные пространственные отношения:

hr-tp, букв. "под головой" имеет специальное значение «быть около лежащего человека», предлог *tp-mʒʕ*, [228] букв. "на виске" означает «быть около движущегося человека»⁶³.

В египетском языке подобные явления стали пережиточными, потеряли свою специфику и потускнели.

Поэтому очень часто бывает трудно уловить различные оттенки значений, выражаемые синонимами. Так, только для некоторых из многочисленных глаголов движения удастся установить точные значения: *iw* "приходить", *hʒj* "спускаться", *ʃm* "идти" и др.

Достаточно хотя бы бегло ознакомиться с содержанием Берлинского словаря, чтобы убедиться в том, что очень многие египетские слова, в глубокой древности имевшие, по всей вероятности, разные значения, воспринимаются нами как синонимы. Например, понятие «наводнение» обозначают 13 слов, «крыло» — 7 слов, «мрак» — 10 слов, «огонь» — 21 слово и т. д.

⁵⁸ Ibid., p. 192.

⁵⁹ Ibid., pp. 173–175, 192–198.

⁶⁰ Ibid., p. 193.

⁶¹ Ibid., p. 161.

⁶² Ibid.

⁶³ B. Gunn, *Notes on Egyptian lexicography*, — JEA, vol. 27, 1941, pp. 145–146.

Именно в свете этих фактов следует подходить и к собранным Ж. Байэ многочисленным египетским терминам, передающим понятие «раб»⁶⁴. С точки зрения нашей абстрагирующей социальной классификации, для выражения этого понятия не может быть столько терминов. Неоднократно выдвигалось предположение, что среди них лишь некоторые обозначают рабов, а остальные — людей иных социальных прослоек. Не отрицая такой возможности, отметим, однако, что подобный подход к этой проблеме обусловлен современной точкой зрения, современным восприятием языка и терминологии. Скорее всего, эти термины отражают деление людей не по абстрактной социальной характеристике, а по каким-то вполне конкретным, для нас до сих пор неуловимым признакам, например по занятиям, месту жительства, расе, народности, принадлежности тому или иному лицу и т. д.

Архаические черты египетского языка проявляются и в некоторых особенностях его структуры, так, например, египетский язык не выработал четкого и ясного способа для выражения косвенной речи; неудовлетворительна, с нашей точки зрения, координация слов и предложений: отсутствуют союзы, нет многих служебных слов, выполняющих важные функции в европейских языках (таких, как «вследствие», «так что», «как бы», «чтобы», «однако», «хотя бы», «примерно», «относительно» и т. п.). [229]

Мы уже отмечали практическую направленность мышления египтян, которая видна в основном из текстов.

Допустимо ли, однако, из сопоставления этого факта с характером египетского языка делать вывод о тесной органической связи между обоими явлениями? Ответ на этот вопрос может быть только отрицательным.

Язык египтян сложился в доисторическую эпоху. Египтяне же с исторических времен унаследовали язык, созданный их далекими предками, народом первобытным и примитивным. Умственный практицизм древних египтян, конечно, ни в коей мере нельзя считать следствием их примитивности и, тем более, первобытности. Египтяне исторических времен приспособились к своему архаическому языку. Многие буквальное выражения они воспринимали как отвлеченные, например, предлог *r-sʒ* буквально значит «к спине», употреблялся же он в смысле «за», «после» не только в пространственном значении, но и во временном. Примерами переосмысления пережиточных архаических слов и выражений могут служить рассмотренные глагольные формы суффиксального спряжения и относительные формы, воспринимавшиеся египтянами как активные; их происхождение от пассивного причастия было давно забыто. Изложенная выше история числительного 10 000 также очень показательна.

Естественно, возникает вопрос, почему же египтяне не усовершенствовали свой язык? Дело в том, что язык в историческом развитии всегда намного отстает от мышления, новые формы которого обычно приспособливают уже существующие языковые нормы для своих целей. Судить об уровне мышления народа на основании грамматики и лексики можно лишь очень условно и ограниченно. Египтяне исторических времен, сумев пользоваться архаическим языком предков, тем самым в значительной мере утратили стимул к его усовершенствованию; мы говорим — в значительной мере, но не полностью, так как язык все же изменялся и совершенствовался. Неверно полагать, что архаизм языка не дает ему возможности выражать мысли и представления, возникшие на более поздних ступенях развития культуры. Гибкость и живучесть языка проявляются именно в возможностях приспособления к новым потребностям. Египтяне исторических времен создали на своем языке, невзирая на его архаичность, древнейшие в мире художественные произведения — подлинные шедевры литературы, отличающиеся и изысканностью стиля, и изяществом метафор, и образностью сравнений, и подбором слов, создающих определенный ритм. Поэтому абсолютно неправ М. Пипер, по мнению которого, египетский язык [230] «несовершенное орудие»⁶⁵. Заслуженную отповедь М. Пиперу дал А. де Бук, указавший, что утверждение М. Пипера является проявлением европейского эгоцентризма и не выдерживает серьезной критики с точки зрения языкознания. А. де Бук подчеркивает, что еги-

---

⁶⁴ J. Baillet, *Les noms de l'esclave en égyptien*, — RT, vol. 27, 1905, pp. 193–217; vol. 28, 1906, pp. 113–131; vol. 29, 1907, pp. 8–25.

⁶⁵ M. Pieper, *Die ägyptische Literatur*, Potsdam, 1927.

петский язык так же гибок и совершенен, как французский или арабский, и что только недостаточное знание его способствует возникновению ложных представлений⁶⁶.

Вторая характерная особенность египетского языка — его склонность к именным предложениям и оборотам. В. В. Струве отмечает, что в египетском языке, как и в других семито-хамитских языках, во все периоды его истории большую роль играли именные предложения⁶⁷. К ним относятся предложения с предикативным существительным или местоимением, прилагательным и адвербиальным оборотом, а также ложноглагольная конструкция. Кроме того, нередко в повествовании или в заголовках неопределенное наклонение глагола применяется в качестве повествовательной формы. Наконец, суффиксальные формы спряжения происходят от пассивного причастия (следовательно, имени) с притяжательным суффиксом. Формы суффиксального спряжения иногда трактуются как существительные в «родительном падеже», управляемом существительным или другой частью речи. В этих случаях суффиксальная глагольная форма служит определением управляющего слова. Например: *ht nbt nfrt nt šsp hm.f*, букв. "всякие хорошие вещи получения его величеством"; здесь *šsp hm.f* (т. е. форма *sdm.f* глагола *šsp* с подлежащим *hm.f*, предшествуемая служебным прилагательным женского рода *nt*) является косвенным родительным падежом, служащим определением предшествующих слов *ht nbt nfrt* "всякие хорошие вещи". Так же употребляется и форма *sdm.n.f: ink nsw n šhpr.n.f* "я царь его воспитания" (т. е. "которого он воспитал").

Если, с одной стороны, как отмечалось выше, древние именные и пассивные обороты в процессе развития языка превратились в активные глагольные формы, то, с другой стороны, создавались новые именные конструкции; в коптском языке разные типы именных предложений пользуются полным правом гражданства⁶⁸. [231]

Еще одна отличительная черта египетского языка — стойкость порядка слов в предложении. Перестановка частей предложения по усмотрению говорящего, закономерная в других языках (например в русском, греческом и т. д.), недопустима в египетском.

Вполне понятно, что архаизм языка обуславливается рядом исторических причин. В то же время объяснить роль именных оборотов и незыблемость порядка слов очень трудно. А. Гардинер, говоря о последней особенности и сопоставляя ее с египетской архитектурой, пишет: «Стремление к строгому порядку и симметрии бросается в глаза как характерные черты разных отраслей культуры древних египтян. Разве не кажется необходимым наличие и в языке специфических национальных особенностей?»⁶⁹.

Однако А. Гардинер не развивает и не аргументирует свою мысль, т. е. по существу он никакого объяснения не предлагает.

Постановка А. Гардинером этого вопроса связана с высказанной на страницах того же исследования мыслью: «со своей стороны, я считаю несомненным, что различие между языками разных систем соответствует различию мышления». Таким образом, А. Гардинер затронул кардинальную для лингвистики проблему языка и мышления. Со свойственной ему осторожностью маститый английский ученый не сделал никаких, даже гипотетических выводов. Отметим, что Б. Уорф, по утверждениям которого культура народа находится в зависимости от его языка, все же признал необходимым отговориться: «между культурными нормами и языковыми моделями есть связи, но нет корреляций или прямых соответствий»⁷⁰. Вместе с тем следует твердо помнить, что «всякие попытки установить прямой параллелизм между явлениями языка и культуры оказались малоубедительными... Но если между явлениями культуры и фактами структуры языка нет прямой причинной зависимости и прямого соответствия, то между ними несомненно существует общая зависимость, благодаря которой изменения в культуре могут находить косвенное опосредствованное отражение в языке... Наличие такой зависимости можно до-

⁶⁶ A. de Buck, *Défense et illustration de la langue égyptienne*, — CdE, année 22, 1947, pp. 23–37.

⁶⁷ В. В. Струве, *Стадиальная семантика египетской глагольной формы sdm.f*, — сб. «Академику Н. Я. Марру», М.–Л., 1935, стр. 845.

⁶⁸ W. Till, *Koptische Grammatik*, § 241.

⁶⁹ А. Н. Gardiner, *Some aspects of the Egyptian language*, — «Proceedings of the British academy», vol. 23, 1937, p. 99.

⁷⁰ Б. Уорф, *Отношение норм поведения и мышления к языку*, — «Новое в лингвистике», вып. I, М., 1960, стр. 168.

пустить и в области грамматических значений, поскольку в грамматике нет ничего такого, чего не было бы [232] предварительно в лексике»⁷¹. Безусловно, язык имеет свои внутренние законы развития, непосредственно не зависящие от внешних факторов. Но также несомненно, что язык не изолирован от культуры народа, что между языком и культурой имеется какое-то взаимодействие⁷². Однако установление конкретной опосредствованной взаимозависимости между фактами языка и фактами культуры требует доказательства в каждом данном случае, и вряд ли это всегда возможно. Поэтому, несмотря на соблазнительность разных сопоставлений, к ним надо относиться с большой осторожностью.

Американский египтолог Лутц пытался объяснить причину распространенности именных конструкций в египетском языке картинностью египетского иероглифического письма: «звук слова как бы вызывал образ, привычный для глаза в письме, и этот образ возникал перед духовным взором в разговоре. По этой причине египетские предложения, как правило, являются именными»⁷³.

Такое объяснение совершенно неприемлемо: во-первых, характерные особенности языка сложились задолго до возникновения письма; во-вторых, именные обороты распространены и в ряде других языков, не имевших иероглифического письма.

К сожалению, наука до сих пор не в состоянии ответить на вопрос, почему именно возникли специфические особенности того или другого языка. [233]

---

⁷¹ В. А. Звегинцев, *Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа*, — «Новое в лингвистике», вып. I, стр. 132–133.

⁷² Г. О. Винокур, *О задачах истории языка*, — в кн.: В. А. Звегинцев, *История языкознания XIX и XX веков*, ч. II, М., 1960, стр. 251–252.

⁷³ H. Fr. Lutz, *Speech consciousness among Egyptians and Babylonians*, — «Osiris», vol. 2, 1936, pp. 8–9.